

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК 177

DOI: 10.46724/NOOS.2025.1.5-17

Г. Н. Гумницкий

НРАВСТВЕННЫЙ ПОСТУПОК И ЕГО ОЦЕНКА [ЧАСТЬ III]¹

Аннотация. В фокусе внимания автора — поведение, поступок, моральная оценка — феномены, которые находятся в центре внимания этики как философской науки. Автор анализирует природу и содержание поступка, структуру моральной оценки, ее социальные функции и значение для решения задач нравственного воспитания, обосновывает специфику моральной ценности поступка и его результата. Автор опровергает точку зрения, согласно которой оценка поступка есть результат «сложения» оценки действия и оценки мотива. Действие уже включает влияние мотива и имеет два аспекта: внешнюю значимость и внутреннюю, психологическую обусловленность, которая зависит не только от морального побуждения, но и от других субъективных факторов. Моральное содержание действия — следствие этического потенциала личности, моральная оценка — выражение последнего.

Ключевые слова: поведение, поступок, деятельность, действие, мораль, нравственность, моральное отношение.

Ссылка для цитирования: Гумницкий Г. Н. Нравственный поступок и его оценка [часть III] // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 5—17.

G. N. Gumnitsky

MORAL ACT AND ITS EVALUATION [PART III]

Abstract. The author focuses on behavior, action, moral assessment — phenomena that are in the center of attention of ethics as a philosophical science. The author analyzes the nature and content of the action, the structure of moral assessment, its social functions and significance for solving the problems of moral education, substantiates the specificity of the moral value of the action and its result. The author refutes the point of view according to which the assessment of the action is the result of the "addition" of the assessment of the action and the assessment of the motive. The action already includes the influence of the motive and has two aspects: external significance and internal, psychological conditioning, which depends not only on the moral impulse, but also on other subjective factors. The moral content of the action is a consequence of the ethical potential of the individual, the moral assessment is an expression of the latter.

Keywords: behavior, deed, activity, action, morality, ethics, moral attitude (relation).

Citation Link: Gumnitsky G. N. (2025) Moral act and its evaluation [part III], *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 5—17.

© Гумницкий Г. Н., 1978

¹ Текст приводится по изданию: Гумницкий Г. Н. Нравственный поступок и его оценка. М.: Знание, 1978. 64 с.

Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 5—17 •

Значение моральной оценки

Практическое значение моральной оценки выражается в осуществлении ею важных социальных функций, свойственных морали, — регулятивно-императивной и воспитательной. Возможность выполнения этих функций основана на способности моральной оценки адекватно отражать внутренний мир личности, этические побуждения и другие субъективные факторы, определяющие ее поступки. Чтобы выполнить свои функции, моральная оценка должна быть способной влиять на содержание воли в определенном направлении, а для этого она должна включать в себя информацию об этом содержании, о состоянии мотивационно-волевой сферы личности, совершающей поступки, о ее этическом потенциале. Правильная моральная оценка является также критерием, исходя из которого, общество определяет свое отношение к личности или социальной группе и вырабатывает программу морально-воспитательной деятельности. И с этой точки зрения очевидна необходимость объективной истинности моральной оценки, ее соответствия своему предмету.

Но может ли моральное оценочное суждение быть истинным? В современной буржуазной этике и философии на этот вопрос чаще всего дается отрицательный ответ, который обусловлен главным образом социальными причинами, хотя имеет и свои гносеологические корни.

Вопрос об истине в области морали, конечно, далеко не простой. Прежде всего, на наш взгляд, надо подчеркнуть, что понимание истинного в морали должно согласовываться с общим понятием истины как соответствия наших представлений объективному положению вещей, отражаемому предмету. Если мы, например, высказали оценочное суждение: «Иванов поступил морально», то, если он действительно поступил морально, наше высказывание соответствует реальному факту и, следовательно, является истинным. Отрицать это — значит допускать, что слова «поступил морально» не имеют никакого определенного смысла, то есть что морального как такового либо не существует, либо, если оно все же существует, мы не можем его познать, не можем отличить моральное от неморального. Если бы было верно хотя бы одно из этих двух допущений, то моральная оценка вообще была бы чистой фикцией.

Но как быть с относительностью моральных оценок? Ведь именно факт их относительности приводит подчас к отрицанию их объективной истинности. Происходит это вследствие недиалектического понимания относительного, исключения из него всякого элемента абсолютного. Мораль, конечно, исторически изменчива, непостоянна, моральные взгляды различных классов различны, но это не значит, что в них нет ничего общего, постоянного, абсолютного. На существование общего в морали различных классов указывал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», хотя он там же подчеркивал и ее классовый характер². Иначе и быть не может: элементарной истиной диалектики является то, что нет частного без общего, различия без тождества.

Мораль как особое социальное явление имеет специфические черты, сохраняющиеся на протяжении всего ее исторического существования и являющиеся общими для всех моральных систем. Общая суть морали состоит в том, что она отражает и осуществляет объективную необходимость сочетания интересов личности с интересами социальной общности. От класса к классу меняется

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 95.

содержание общих интересов и выражающих их моральных требований. Но в рамках отношений каждого класса действует необходимость сочетания личного с классовым. С позиций каждого класса морально то, что соответствует необходимости обеспечения индивидами именно его интересов. В этом смысле моральные требования и оценки относительны, но они не абсолютно субъективны, ибо для данного класса объективно необходимо, чтобы индивиды заботились об его интересах. Какая же из классовых точек зрения более истинна в моральном аспекте? Вопрос этот довольно сложен, поэтому рассмотрим его лишь с одной из сторон, на одном примере.

С позиций буржуазии морально то, что в поведении людей соответствует ее интересам. Поэтому и оценка такого поведения как морального истинна, но относительна лишь в рамках буржуазных отношений. В то же время поведение буржуазного политика или идеолога, направленное на защиту капитализма и против социализма, должно оцениваться и с точки зрения интересов последнего, а в этом отношении оно явно отрицательное. Можно ли остановиться на признании относительности моральных оценок? Нет, ибо тогда получится, что или все одинаково правы, или вообще нет никакой правоты. И то и другое на практике ведет к пассивности, к отказу от борьбы за социальный прогресс. В обеих оценках, несмотря на их относительность, есть и нечто абсолютное, позволяющее решить, какая из них более истинна.

Вообще моральным является сочетание личных интересов с интересами общности. Но общности бывают разными — реакционными, несущими зло людям, и прогрессивными, несущими им благо. Капитализм в современную эпоху враждебен интересам человечества, тогда как социализм обеспечивает ему лучшее настоящее и будущее. Поэтому преданность капиталистическому строю уже потеряла свое историческое оправдание. Буржуазный деятель согласует свои действия с интересами лишь узкой группы людей, но вступает в конфликт с интересами громадного большинства, тот же, кто борется за дело социализма и коммунизма, согласует свое поведение с интересами широких масс, человечества в целом. Следовательно, его поведение в моральном отношении неизмеримо выше, чем поведение сторонника капитализма, а в общечеловеческом масштабе является единственно моральным. Поэтому оценка именно его поведения как морального будет истинной.

Из сказанного вытекает, что моральное оценочное суждение не только выражает позицию определенного класса, но и устанавливает реальный факт соответствия или несоответствия поступка объективной социальной необходимости. Другими словами, содержание этого суждения не зависит от субъекта, представляет собой объективную истину.

Моральность поступка — это его объективное свойство, не зависящее от произвола оценивающего лица, оно присуще ему независимо от оценки. Оценка же зависит от ценности поступка, она истинна тогда, когда соответствует его действительной ценности. То, что в последней есть момент относительности, не отрицает ее объективности и наличия в ней (в большей или меньшей мере) элементов абсолютного. Это означает, что в гносеологическом плане оценочное суждение, как и всякое суждение, заключает в себе познавательное содержание, выполняет познавательную функцию и оценивается с точки зрения истинности и ложности.

Таким образом, на наш взгляд, нет серьезного основания для того, чтобы отрицать способность моральной оценки отражать объективную истину.

Рассматриваемый вопрос имеет и другую сторону. Моральность поступка определяется не только его внешним соответствием объективной необходимости, но и его внутренней мотивированностью, волевым отношением личности к моральной цели, стремлением ее осуществить. Но, как уже отмечалось выше, за внешним, видимым действием бывает не так-то просто распознать его субъективное основание. Можем ли мы быть уверены, что всегда правильно судим о людях, или мы способны ошибаться в их моральной оценке? Не следует ли признать, что наше знание о внутреннем мире людей не является достоверным, во всяком случае в такой степени, чтобы мы могли чувствовать уверенность в нашей правоте? И если это так, то не должны ли мы отсюда сделать вывод, что истинное знание здесь недостижимо?

Степени достоверности знания бывают различными. Видимо, в познании этической позиции личности больше трудностей, чем во многих других областях, а поэтому морально-психологическое знание действительно менее достоверно, чем многие другие виды знания. И все же оно достаточно достоверно, чтобы в общем и целом удовлетворять потребности практической жизни.

Конечно, можно отметить такие случаи, ситуации, в которых нельзя с определенностью судить о поступке человека по его внешним, видимым действиям, поручиться за правильность вынесенного суждения. Мы уже говорили о том, что между внешней стороной действия и его внутренним, психологическим основанием нет простой, однозначной связи, которая позволяла бы сразу же устанавливать моральный смысл действия. Например, старание в работе может быть вызвано многообразными побуждениями, в частности, не только моральными, но и сугубо эгоистическими. Поэтому понять с первого взгляда, что за ним скрывается, подчас попросту невозможно.

Внешнее и внутреннее не тождественны, но вместе с тем находятся в неразрывном единстве. Так или иначе внутреннее проявляется во внешнем, и по этим проявлениям оно может быть раскрыто с большей или меньшей полнотой и точностью. Как бы долго человеку ни удавалось скрывать от других ту или иную особенность своего характера, может случиться так, что она все же обнаружит себя. Вот пример.

В рассказе В. Санина «В конце зимовки»³ начальник зимовки Семенов хочет понять, почему Дугин, который всегда был смелым, верным другом, неожиданно повел себя, как трус, в трудный момент покинул станцию. «Раньше, когда через лагерь шли трещины, когда от медведей вместе отбивались, когда на баркасе унесло в море — держался отменно, а сейчас вдруг испугался?». На свой вопрос Семенов находит такой ответ: «Тогда, то есть раньше, выхода другого не было, ситуация заставляла отчаянно бороться за жизнь. И Женька был надежным, своим в доску другом, на которого всегда можно положиться: сознавал — товарищ погибнет, и ты вместе с ним. А вчера-то у Женьки выход имелся! Отвернул в сторону голову — и опасности как не бывало... Понимал Женька, что, как только самолет взлетит, вал сожрет полосу, и очень большой вопрос — сумеют ли те, кто остался, уйти от торосов. Очень большой вопрос. Куда уходить-то, когда вокруг сплошные разводья? Поэтому и улетел. Так что никакого секрета нет: Дугин просто струсил».

Возможно, что дело здесь не в чувстве страха, а в эгоистическом расчете, но во всяком случае Дугин проявил себя так, что это не совмещалось с прежней,

³ Санин В. В конце зимовки // Литературная газета. 1975. 14 мая.

положительной оценкой его поведения, казавшейся безусловно верной. Как говорят, он оказался совсем не тем, за кого его принимали. Но если бы не особый случай, он мог бы так и остаться для других не тем, кто он есть на самом деле. Чтобы понять человека, надо его хорошо знать на протяжении длительного времени, принять во внимание всю совокупность его действий, причем не только то, что он делает, но и что говорит и как говорит, каковы его жесты, выражение лица, реакции на действия других и т. п. Чувства, переживаемые людьми, отражаются в их позах, движениях, в выражении глаз, глубокие страдания чисто нравственного характера могут проявиться в своеобразии образа жизни, даже способствовать ухудшению состояния здоровья, их отношение к другим людям может выражаться во множестве малозаметных деталей поведения. Пока не разработаны научные методы, с помощью которых можно было бы «уловить» эти факты, их можно собирать и исследовать лишь в процессе обыденного житейского контакта с людьми. В этом плане мы обычно получаем достоверные знания о многих людях, наших близких, друзьях, знакомых.

В конечном счете субъективные факторы поведения людей определяются объективными социальными условиями их жизни. Познание поведения, его внутренних движущих сил, когда дело идет о больших группах людей, облегчается тем, что при этом теряет существенное значение учет индивидуальных особенностей, отличающих одного человека от другого, и на первый план выдвигаются общие черты, которые проще, чем индивидуальные особенности, можно объяснить из основных условий и закономерностей общественной жизни, этического поведения. При этом, разумеется, необходимо представлять механизм воздействия общественных условий на этическое сознание и поведение, закономерности этого воздействия. Необходимым элементом теории в данном случае, очевидно, является знание того, что такое этическое сознание и какую роль оно играет в поведении, какова вся система субъективных факторов, определяющая поведение.

Таким образом, дать моральную оценку, обладающую высокой степенью достоверности, когда это касается целой группы населения, можно лишь на основе научного представления о психологическом содержании поведения людей, о социальных условиях их поведения и о закономерностях влияния этих условий на сознание и поведение. Непосредственной задачей моральной оценки является определение этического состояния личности или группы, решение же этой задачи открывает путь к решению следующих задач — регулятивно-побудительной и воспитательной. Суть их сводится к тому, чтобы поддерживать и стимулировать, вызывать и развивать действие морального фактора поведения, способствовать совершенствованию моральной жизни общества.

Важнейшим моментом моральной оценки является то, что она служит оценкой моральной воли, средством воздействия на нее, ее формирования и регулирования. Для нее характерно выявление прежде всего морального стимула, мотива деятельности, а это предполагает выделение этого стимула из всей совокупности побуждений. В том-то и заключается специфическая цель моральной оценки, что она должна воздействовать на моральное сознание, а через него — на поведение.

С этой точки зрения должна быть понятна вся ошибочность представления о том, что главным объектом моральной оценки является не мотив, а оторванный от него результат поступка, что суть моральности поступка сводится к социальной полезности его результата. Как уже отмечалось, такое понимание

ведет к игнорированию роли морального фактора, проблемы соотношения моральных и материальных стимулов труда, имеющей серьезное практическое значение, которое было подчеркнуто на XXV съезде КПСС. Действительно, если результат как предмет оценки имеет самостоятельное значение, берется вне связи со своим психологическим основанием, то это означает, что вопрос о стимулах снимается; оказывается безразличным, чем вызывается результат — моральными или материальными побуждениями, следовательно, лишается значения и вопрос о соотношении этих побуждений.

Некоторые люди иногда рассуждают так: главное, что человек старательно работает, дает обществу нужную продукцию, выполняет и перевыполняет план. Это уже позволяет оценить его поведение как моральное. Вопрос же о мотивах — это вопрос второстепенный.

В очерке Г. Комракова «Куда едешь, парень?» осуждалось поведение шофера Василия Старцева, который работал хотя и усердием, но исключительно ради личного обогащения, интересы общества и коллектива ему были безразличны. Некоторые не согласились с такой оценкой. Ведь Старцев все же приносит пользу обществу, как же можно оценивать его поведение как неморальное? Нет, утверждали они, в целом его надо оценить как положительное, моральное. Как видим, здесь моральное берется вне связи со стимулами деятельности, сводится к социально полезному.

Верно, что поведение Старцева, поскольку речь идет о его отношении к работе, нельзя назвать аморальным, но это не значит, что оно является моральным. Работа ради заработка, из личной материальной заинтересованности в труде, не противоречит нашей морали, не может оцениваться как нечто противоморальное. Поведение, обусловленное личным стимулом к труду, еще не является, однако, моральным в собственном смысле слова, оно лишь правомерно или, по выражению И. Канта, «легально». В системе норм коммунистической морали нет такой, которая бы предписывала работать ради заработка. И это понятно: ведь нормы нашей морали неотделимы от нравственных побуждений к их исполнению, побуждение же, называемое личной материальной заинтересованностью в труде, не относится к специфически моральным побуждениям, поэтому его и отличают в качестве материального стимула от морального.

Действительно, если человек живет своим трудом, не нарушает норм морали и права, то это еще не говорит о том, что он руководствуется моралью, ее нормами и побуждениями, что он проникнут специфическими моральными чувствами — чувствами долга, гуманности, справедливости и т. п., что общие интересы для него служат высшими мотивами поведения. Он может быть эгоистом, но «разумным», то есть может стараться не вступать в конфликт с обществом, не нарушать законов, так что внешне его поведение будет выглядеть вполне социально нормальным, соответствующим морали, хотя на самом деле оно морально лишь по форме. Называть такое поведение моральным — значит принимать видимость за сущность. Там, где нет морального побуждения, нет ни морального поведения, ни морального результата.

Но если человек живет честным трудом, то разве он не морален по сравнению с тем, кто наживается путем спекуляций, хищений, афер и т. п.? Может быть, в этом смысле поведение Старцева должно быть оценено все же как моральное? Однако вопрос не решается так просто. Чтобы ответить на него, необходимо понять, что служит для человека побуждением к труду.

Пока же мы этого не знаем, вопрос о его моральности остается открытым. Труд может мотивироваться самым различным образом. Если человек хорошо работает на протяжении длительного времени, то это скорее всего свидетельствует о его трудолюбии. Но трудолюбие, собственно, еще не есть моральное качество, им может отличаться и тот, кто трудится лишь ради своего личного благополучия. Далее, весьма вероятно, что хорошо работающий человек внутренне убежден в необходимости трудиться, жить собственным трудом, в недопустимости тунеядства и нечестных способов извлечения дохода. В этом случае уже имеет место нравственное (хотя и самое элементарное) отношение к труду. Однако надо еще убедиться, что оно присуще личности. Ведь тот или иной человек может жить своим трудом не из этого морального побуждения, а потому, что он из страха перед наказанием не решается прибегнуть к незаконным способам обогащения. В этом случае к труду наряду с материальным побуждает правовой, но не моральный мотив, следовательно, нет морального поведения и нет основания оценивать это поведение как моральное.

Можно встретить такое рассуждение: «Мысли, побуждения, пока они не воплотились в поступки, сами по себе еще не полезны и не вредны для общества. Вред или пользу обществу приносят не побуждения людей, а их поступки». Именно отсюда якобы следует, что сфера действия морали определяется главным образом объективной полезностью поведения людей для интересов общества. В таком понимании проявляется недооценка роли морального фактора в общественной жизни. Правильно было бы вслед за словами, заключенными в кавычки, сказать: «Однако мысли, побуждения определяют поступки, и задача морали в том, чтобы влиять на эти мысли и побуждения, а через них — на поступки». Неправильно моральные побуждения и поступки противопоставлять при определении сферы действия морали, выводить первые за пределы этой сферы. Мораль без моральных побуждений — это мораль без морали. Объективная полезность поведения не возникает из ничего, она порождается соответствующими стимулами, главными среди которых являются моральный и материальный.

Нетрудно понять, что недооценка морального стимула, по существу, означает переоценку материального. Однако материальный стимул, какую бы важную роль он ни играл, не может заменить морального. Последний играет в жизни общества особую, ничем не заменимую роль. Конечно, может быть и так, что работник, думающий только о зарплате, даст больше продукции и лучшего качества, чем тот, кто сознательно относится к общественному труду, но, скажем, еще не овладел в достаточной мере специальностью, уступает первому по квалификации. Но этот случай свидетельствует лишь о важном значении трудового мастерства, профессионального умения, но ни в какой мере не умаляет ценности моральных побуждений. Личная материальная заинтересованность сама по себе, как единственно определяющий фактор поведения в области производства, способна обеспечить положительные результаты лишь в известных, достаточно узких границах, за которыми она прекращает свое действие в этом направлении и теряет положительную значимость или даже начинает играть отрицательную роль. Моральный мотив — абсолютно необходимый фактор социальной жизни как в трудовой деятельности (в условиях социализма), так и во всех других ее областях.

Дело в том, что свободная общественная деятельность людей невозможна без сознательной, добровольной дисциплины, — без той или иной доли самоот-

верженности, без способности и умения отдельного индивида пожертвовать, когда без этого нельзя обойтись, своими интересами и в крайнем случае — даже самой жизнью ради достижения общей цели, а все это оказывается возможным только благодаря действию морального фактора. Никакой узколичный интерес, забота только о самом себе не могут заменить его, не могут побудить человека к борьбе за общее дело, если интересы этой борьбы вступают с ними в противоречие. Конечно, узколичные непосредственные интересы какого-либо конкретного человека могут быть для него более очевидными, чем общие интересы, но тем не менее реализация последних выступает в конечном счете в качестве условий достижения индивидуального благополучия. Только побуждение, прямо направленное на обеспечение общего блага, — моральное побуждение — способно преодолеть сопротивление эгоистических сил и мобилизовать личность на решение большой, требующей самоотверженности, общественной задачи, на бескорыстное, то есть не приносящее личной выгоды, действие.

Самоотверженность, неразрывно связанная с высокой моральностью, — отличительная черта каждого подлинного революционера, который, подобно К. Марксу, действует, «отбрасывая всякого рода личные интересы и исходя из самых чистых побуждений»⁴. Благодаря великой силе этих побуждений Маркс смог осуществить свой научный подвиг, во имя которого он, по его собственным словам, «принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью»⁵. Для великой цели нужна великая энергия, которая возникает благодаря тому, что все силы души концентрируются вокруг одной идеи служения общему благу, а все себялюбивое отходит на задний план. Личность, которая поднялась на такую нравственную высоту, способна оказать огромное влияние на ход истории. На это указывает В. И. Ленин, оценивая роль Ивана Васильевича Бабушкина в революции: «Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоеует себе полное освобождение от всякой эксплуатации»⁶. О том, что движет такими людьми, можно судить по словам из речи П. А. Заломова в суде, на которую мы уже ссылались. Заломов знал, что его сошлют на каторгу (за участие в демонстрации). «Но я желал, — говорил он, — принести жертву, хотел всю душу отдать за рабочих, чтобы потом, после меня, им жилось лучше»⁷. Такое внутреннее состояние типично для героев революции, Гражданской и Великой Отечественной войн. Проявляли самоотверженность и многие герои созидательного социалистического труда.

Вот как характеризует В. И. Ленин значение героизма, самопожертвования передовых рабочих, коммунистов для побед в Гражданской войне: «...Всякий раз, когда наступал трудный момент в войне, партия мобилизовала коммунистов, и в первую голову они гибли в первых рядах... гибли лучшие люди рабочего класса, которые жертвовали собой, понимая, что они погибнут, но они спасут поколения... только этими неслыханными жертвами, причем сознательными, добровольными, подкрепленными дисциплиной Красной Армии, не прибегающей к средствам старой дисциплины, только этими величайшими жертвами передовые рабочие свою диктатуру удержали и завоевали себе право на уважение

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 30. С. 376.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 31. С. 454.

⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 20. С. 82.

⁷ Литературная газета. 1975. 30 апреля.

рабочих всего мира»⁸. Эти мысли проходят красной нитью через ряд выступлений Ленина. Он говорил о том, что главная причина победы в Гражданской войне — «это героизм, самопожертвование, неслыханная выдержка в борьбе», проявленные красноармейцами, рабочими и крестьянами, о необходимости трудового энтузиазма для спасения народного хозяйства⁹, о моральном авторитете людей, жертвовавших собой за победу социализма¹⁰.

Хорошо известно, какую важную роль сыграл моральный фактор в победе над фашистской Германией, в обеспечении боевых и трудовых успехов советских людей, которые своими делами доказали, что они обладают высокими моральными качествами. В постановлении ЦК КПСС от 31 января 1977 года «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» отмечается: «Своими трудовыми подвигами и творческими свершениями, героической стойкостью и мужеством в суровых испытаниях Великой Отечественной войны, бескорыстным участием в судьбах братьев по классу во всем мире советский человек доказал свою глубокую преданность идеалам коммунизма, свой пламенный патриотизм и интернационализм»¹¹.

Моральный фактор — необходимое условие существования и развития социалистического соревнования. Последнее отличается от конкуренции, как известно, тем, что предполагает распространение передового почину, нового опыта, взаимопомощь в труде. Личная материальная заинтересованность не могла бы обеспечить этого, ибо она не может, например, побудить работника поделиться с другими своим производственным «секретом». Пошли бы десятки тысяч людей по примеру В. Гагановой в отстающие бригады, если бы заботились только о своих личных нуждах? Конечно, нет! К этому их могла побудить только высокая сознательность, забота об интересах народа, преданность делу коммунизма.

С особенной очевидностью значение морального стимула проявляется в решении задачи по улучшению качества работы и ее результатов. Уследить за качеством работы только с помощью внешнего контроля очень трудно, а подчас практически невозможно. Здесь нужен внутренний контроль, контроль совести. Нравственно, добросовестно относиться к труду — значит ставить интересы производства превыше любых узколичных интересов. При таком отношении работник не сможет допустить скрытый брак, хотя бы это ему и оказалось в определенном случае выгодно с точки зрения заработка. Понятно, что дальнейшее нравственное возвышение советского человека — необходимое условие успешного решения задач экономического развития нашего общества.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии отмечается, что нравственное воспитание вырабатывает активную жизненную позицию, сознательное отношение людей к общественному долгу¹². На качество влияет все, говорил Л. И. Брежнев в речи перед рабочими ЗИЛа, но «...в конечном счете все сводится к добросовестности людей... За план, за бесперебойную работу всех технологических линий, за качество продукции должна отвечать совесть каждого

⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 40. С. 296.

⁹ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42. С. 4, 6.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 40. С. 313.

¹¹ О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции: Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. М.: Политиздат, 1977. С. 12.

¹² См.: Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. С. 77.

работника...»¹³. В речи на XVIII съезде ВЛКСМ Л. И. Брежнев указал на связь между задачей борьбы за эффективность и качество и программой воспитания целого поколения советских людей, подчеркнул необходимость работать на совесть. Он отметил, что дело хозяйственного развития зависит и от того, какую ответственность проявят миллионы людей¹⁴.

Конечно, и материальный стимул не теряет своего важного значения. Но было бы неправильно и опасно абсолютизировать это значение, недооценивая или полностью игнорируя моральный стимул. Делая такую ошибку, любое рвачество, стяжательство и т. п. можно возвести в ранг высокоморальных явлений. «Материальные стимулы, — пишет член-корреспондент АН СССР А. Афанасьев, — могучий рычаг повышения эффективности и качества. Однако их нельзя абсолютизировать, забывая о стимулах моральных. Между тем сомнительный лозунг “рубль — любой ценой” кое-где стал чуть ли не основой хозяйственной работы. Только более полное сочетание материальных и моральных стимулов может способствовать повышению эффективности производства, росту производительности труда, улучшению качества продукции, экономному использованию ресурсов»¹⁵. Как отмечалось в докладе первого секретаря Ивановского обкома КПСС В. Г. Ключева на пленуме обкома в июне 1976 года, многие работники еще не смотрят на труд с морально-этической стороны, нередко этика подменяется «арифметикой» — корыстным расчетом. «Да, отдельные работники могут слыть передовиками, — заметил докладчик, — но, к сожалению, главным побудительным стимулом для их хорошей работы является нередко лишь рубль. Они не служат примером в быту, не участвуют в общественной жизни. Цена сознательности таких людей в прямом смысле копейка»¹⁶.

Об одном из таких людей писал В. Липатов в очерке «Брезентовая сумка», к содержанию которого мы уже обращались. На своем участке работы Богомяков дает неплохой личный результат. Если ограничиться этим узким подходом к оценке его отношения к труду, то это отношение можно рассматривать, казалось бы, как моральное. Но стоит подойти к вопросу шире, с точки зрения общих интересов, и сразу же станет ясно, что никакого морального содержания в отношении Богомякова к труду нет, что он думает только о личной выгоде. На такого человека нельзя положиться, нельзя надеяться, что он не подведет в трудный момент.

В любой сфере общественной жизни можно быть вполне уверенным только в таком человеке, который отличается высокими моральными качествами. Только такой человек может быть надежным в семейной жизни, в дружбе и любви, в общественной и научной деятельности и т. д. Не покорит, например, вершин науки тот, кто не способен беззаветно стремиться к достижению истины во имя блага своей страны и всего человечества, во имя блага людей. Эгоизм порождает чрезмерную осторожность, переходящую в трусость, подлаживание к авторитетам, уход от острых проблем. Не может быть настоящим общественным деятелем коммунистического, ленинского типа тот, кто в первую очередь

¹³ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 6. М.: Политиздат, 1978. С. 11.

¹⁴ Брежнев Л. И. Речь на XVIII съезде Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи 25 апреля 1978 года. М.: Политиздат, 1978. С. 3, 4.

¹⁵ Афанасьев В. Управление — на уровень новых требований // Правда. 1976. 21 мая.

¹⁶ Ключев В. Г. Доклад первого секретаря Ивановского обкома КПСС В. Г. Ключева на пленуме обкома // Рабочий край. 1976. 3 июня.

заботится о своем личном интересе, о карьере или не считает нужным «ограничивать» себя моральными принципами, не держит слова, допускает неразборчивость в средствах, применение по-разному им оправдываемых негуманных приемов.

С точки зрения марксизма, средства борьбы, деморализующие людей, не могут быть оправданы узко понимаемым практическим успехом, ибо в конце концов эта деморализация неизбежно привела бы к поражению, удалила бы от подлинных целей коммунистического преобразования общества. Основоположники марксизма-ленинизма дали пример высочайшей моральной принципиальности в политике, науке, личной жизни. Вопреки тому мнению, что в революционной борьбе порядочность лишь мешает, В. И. Ленин считал, что она является неотъемлемым качеством настоящего революционера, требовал нравственной щепетильности. Гибель нравственную он рассматривал как верный залог гибели политической¹⁷. Он считал, что в партию должны вступать «только добросовестно преданные рабочему государству, только честные труженики»¹⁸.

Значение нравственной принципиальности людей в общественной и личной жизни огромно. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии говорится: «Разрыв между словом и делом, в каких бы формах он ни выражался, наносит ущерб и хозяйственному строительству, но особенно — нравственному воспитанию»¹⁹. В докладе отмечается необходимость того, чтобы «рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей»; «чем выше поднимается наше общество в своем развитии, тем более нетерпимыми становятся еще встречающиеся отклонения от социалистических норм нравственности»²⁰. Задача нравственного воспитания советских людей получила отражение и в новой Конституции СССР.

Забота о росте нравственного уровня общества вполне понятна: как уже отмечалось, нравственные побуждения ведут к соответствующим социально ценным результатам. Моральная же оценка способна влиять на моральное сознание личности, а через него и на определяемые им результаты деятельности. Может возникнуть вопрос: как с этой точки зрения быть, например, с поощрительной оценкой поведения маленьких детей, у которых еще не сформировалось нравственное сознание?

Моральное поощрение не тождественно моральной оценке, однако, несомненно, содержит в себе оценочный момент. Да и в прямой форме моральная оценка может даваться действиям и их результатам даже в тех случаях, когда неизвестно, какими побуждениями они вызваны, или известно, что эти побуждения не относятся к области этического. Такое утверждение может показаться противоречащим всему тому, что было сказано выше. Но дело в том, что речь здесь идет об особом случае функционирования моральной оценки, об особой форме ее действия в качестве средства нравственного воспитания и регулирования, хотя и в этом случае остается справедливым положение, согласно которому моральная оценка не сводится к утилитарной.

¹⁷ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 11. С. 330.

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 39. С. 225.

¹⁹ См.: Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. С. 77—78.

²⁰ Там же. С. 78.

Когда, например, маленькому ребенку говорят: «Это хорошо» или «Это плохо», то моральный смысл этих оценок состоит в том, что с их помощью в нем формируют соответствующее волевое отношение к моральным целям его действий. Необходимость морального отношения людей друг к другу и к обществу по своему содержанию объективна и в силу этой объективности не зависит ни от общественного, ни от индивидуального сознания. Мораль как форма общественного сознания потому и возникает, что общественная жизнь предъявляет индивидам объективное требование, ставит их перед объективной необходимостью — согласовать свои действия с интересами социального целого. По отношению к формирующейся личности эта необходимость существует до того, как личность осознает ее в качестве таковой, предшествует индивидуальному осознанию, ибо еще до того является моральной целью общественного сознания. Понятно, что и оценка моральна по своей форме постольку, поскольку представляет собой форму функционирования морального сознания общества. Для личности же она становится моральной в той мере, в какой формируется моральное сознание этой личности и в какой последняя воспринимает ее как стимул, воздействующий на мотивационную сферу, формирующий отношение личности к данной ей обществом цели как к своей собственной высшей цели.

Взрослый человек, даже если он и не руководствуется в каком-то действии или роде деятельности моральной целью, однако обладает моральным сознанием, которое делает его в той или иной степени восприимчивым к моральному влиянию со стороны общества. В этом случае функция моральной оценки состоит в том, чтобы распространить его моральное отношение на данную сферу деятельности. Но даже если какой-либо конкретный человек, в силу своей испорченности, вообще не реагирует на моральное воздействие, оно тем не менее выполняет определенную этическую функцию, а именно — социально-организующую и мобилизующую, то есть формирует отношение коллектива к этому человеку, которое в конечном счете может оказать на последнего воспитывающее влияние. В некоторых случаях положительного результата не удается достигнуть, но это не отрицает самого факта выполнения моральной оценкой или требованием нравственно-воспитательной функции.

На какое субъективное основание воздействует моральная оценка в первый период жизни ребенка, когда он еще не обладает моральным сознанием? Сразу же после рождения у ребенка начинают формироваться чувства и качества, которые можно назвать «предморальными»: привязанность к матери, способность к послушанию и т. д. На их основе и путем их развития в дальнейшем возникают собственно моральные черты — любовь к людям, дисциплинированность, чувство долга и др. Осуществляется это, в частности, и благодаря воздействию моральных оценок и требований взрослых на психику ребенка. Лишь постепенно на определенном этапе своего развития личность начинает осознавать психологический процесс, вызываемый в ней моральным воздействием, и может приобрести способность переходить к сознательному управлению этим процессом. Так нравственное воспитание дополняется самовоспитанием. На этой стадии нравственный идеал осознается личностью как принцип отношения к своим внутренним этическим силам. Последние сопоставляются с идеалом с точки зрения их соответствия ему, то есть оцениваются с его позиций, и на этом основании подвергаются внутреннему воздействию в направлении их сближения с идеалом. Это означает, что общественная моральная оценка переходит в само-

оценку и через ее посредство осуществляет свою регулятивно-воспитательную функцию.

Руководящей субъективной инстанцией самовоспитания и саморегулирования, как мы уже говорили, является воля, которая регулирует и изменяет и себя самое, и все другие факторы, определяющие этическое поведение. Нравственно сформированная личность сознательно и добровольно стремится (и внутренне, и в своих поступках) соответствовать выработанному обществом и усвоенному ею моральному идеалу. Поэтому требования, вытекающие из оценки и самооценки ее поведения, испытываются ею как собственные, глубоко личностные требования, предъявляемые к самой себе. Положительная оценка или самооценка вселяет в личность чувство удовлетворения и гордости собой; вызывает сознание выполненного долга, радость внешней (с общностью) и внутренней гармонии, тем самым утверждая, укрепляя, развивая нравственную позицию личности и соответствующую линию поведения. Отрицательная оценка заставляет критически отнестись к своей позиции, вызывает стремление преодолеть тот или иной недостаток своего характера, ту или иную слабость, склонность, привычку и т. д., чтобы привести свое поведение в соответствие с требованиями морали. Таким образом моральная оценка выполняет свои функции — императивно-регулятивную и воспитательную, по существу составляющие одну единую функцию, ибо они неотделимы одна от другой: регулируя позицию личности, мораль формирует, воспитывает личность, воспитывая же, регулирует поведение, делает его моральным.

Моральная оценка играет огромную практическую роль в жизни общества, являясь необходимым моментом функционирования морального сознания, которое представляет собой ничем не заменимое средство обеспечения блага всего народа, каждого отдельного человека. Подчеркнем еще раз, что моральная оценка имеет самое прямое отношение к полезным результатам деятельности людей. Она ведет к положительным результатам, обращаясь к моральному сознанию людей, формируя их активную общественно положительную позицию, мобилизуя их волю на социально ценные действия. Она служит одним из важных средств обеспечения максимальной активности советского человека в решении задач коммунистического строительства в нашей стране, в борьбе всех прогрессивных людей мира за мир, демократию и социальный прогресс.

Информация об авторе / Information about the author

Гумницкий Григорий Николаевич (1924—2017) — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет (1961—1992), г. Иваново, Россия.

Gumnitsky Grigory Nikolaevich (1924—2017) — Doctor of Sciences (Philosophy), professor, professor of the department of social and humanitarian disciplines, Ivanovo State University (1961—1992), Ivanovo, Russian Federation.